

Литература

УДК 821 (7/8).09

Баранова К.М.
Московский городской
педагогический университет

ЛЕЙТМОТИВ РАВЕНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РАННЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ*

Аннотация. В статье рассматриваются различные толкования одной из максимально значимых составляющих американского самосознания в литературе XVII века – категории равенства. Основной акцент ставится на различной интерпретации данного многоаспектного феномена в ранних произведениях колониальной литературы таких авторов, как Уильям Брэдфорд, Джон Уинтроп, Анна Брэдстрит, Роджер Уильямс и др., анализируется отношение указанных сочинителей к сути исследуемого явления.

Ключевые слова: равенство, жанр дневника, неоднозначность, противоречие, литературный стиль, поэзия.

К. Baranova

LEITMOTIF OF EQUALITY IN EARLY AMERICAN LITERATURE

Abstract. The article presents analysis of equality as one of the most important constituent parts of American self-consciousness in the XVII century literature. It accentuates various interpretations of this multiaspect phenomenon in early works of such pre-national authors as William Bradford, John Wintrop, Anna Bradstreet, Roger Williams and others and shows the attitude of the mentioned above authors to the essence of the analysed category.

Key words: equality, genre of a journal, ambiguity, contradiction, literary style, poetry.

Одной из основных составляющих всей американской культуры, философии, да и национального самосознания является идея равенства человеческих возможностей. Данный принцип изложен в одном из главных

документов страны – Декларации о независимости США, где утверждается, что все люди рождаются абсолютно равноправными: “*We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal*” [1].

Широко распространенным мифом, существовавшим долгое время, как в самой Америке, так и за ее пределами, было положение о том, что это страна *равных* возможностей, где любой человек, имея целеустремленность и определенное желание, может осуществить задуманное, добиться поставленной цели, независимо от своего происхождения, социального статуса и финансовых возможностей. Со временем эта аксиома трансформировалась и вербализовалась в так называемую Американскую Мечту “*from rags to riches*”.

Равенство, прежде всего, ассоциируется с наличием равных возможностей и отсутствием дискриминации по расовому, половому, религиозному и возрастному принципам. Именно такое понимание данного постулата было продекларировано отцами-пилигримами еще в 1620 г. Мысль об объединении поселенцев в гражданский, общественный организм с целью поддержания порядка и мер безопасности, а также создания справедливых и одинаковых для всех законов была высказана в знаменитом соглашении *Mayflower Compact*: “... *Combine ourselves into a Civil Body Politic, for our better ordering and preservation... and by virtue hereof to enact, constitute and frame such just and equal Laws, Ordinances, Acts, Constitutions and Offices...as shall be thought most meet and convenient for the general good of the Colony...*” [2, p. 19]. Любопытно отметить, что именно этот ранний текст рассматривается как первый документ будущей нации.

* © Баранова К.М.

Упоминание о нем можно найти в одном из самых ранних произведений американской словесности «История поселения в Плимуте» (*Of Plymouth Plantation*), написанном вторым губернатором этой колонии Уильямом Брэдфордом, которого можно отнести к первым литераторам Америки. Указанное сочинение относится к лучшим образцам литературных работ описываемого периода. Из приведенной выше цитаты становится ясно, что переселенцы приехали на новые земли с намерением установить для всех справедливые и равные права. Таким образом, идея равенства уже с самого начала была очень важной и существенной для американцев.

Заметим также, что основной момент, отличающий литературные труды XVII века, заключается в тех формах, в которых возникают эти рукописные произведения. В большинстве своем это записи богословов, их религиозно-философские трактаты, проповеди, исторические очерки и, безусловно, дневники, к числу которых и относится сочинение Брэдфорда.

В литературоведении в течение определенного времени высказывалось мнение, что эти произведения не имеют прямого отношения к художественной литературе. С этих позиций некоторые исследователи не рассматривали подобные труды как основу американского литературного творчества. Однако более углубленное прочтение анализируемых текстов позволяет выявить в них характерные элементы художественности. Это в полной мере можно отнести к дневниковым записям Брэдфорда, в которых повествуется о том, что пришлось пережить колонистам с того момента, когда они покинули свою историческую родину.

Композиционно его сочинение делится на две части. Первая, меньшая по объему, это – предыстория общины, сначала на севере Англии, а позже в Голландии. Вторая начинается записями конца 1620 г., где повествование содержит подробное описание жизни поселенцев на североамериканском континенте. Многие страницы данного сочинения наполнены драматизмом происходящего. Его герои – это современники Брэдфорда. Их образы детально выписаны автором, их поступки эмоционально воздействуют на читателя. Если рассматривать эту работу в целом как литературно-исторический памятник, то можно утверждать, что это один из начальных, а в некотором смысле краеугольных камней в фундаменте будущей американской

культуры и литературы.

Подчеркнем, что литератор Брэдфорд представляет собою тип рассказчика, объективности которого потомки могут вполне доверять. Его дневниковые записи следует рассматривать прежде всего как свидетельство эпохи, сочетающее в себе гражданский и политический пафос, предлагающее личную оценку в свете пуританских воззрений, что, безусловно, влияет на стиль произведения. С другой стороны, возможно утверждать, что его идеи продуктивно использовались многими американскими писателями последующих поколений.

Вернемся к идее равенства в понимании тех, кому адресовал свои замечания Брэдфорд, т.е. первым колонистам. Отметим, что среди плимутцев отсутствовали резкие социальные различия (не было джентльменов, не было богатых, а сервентов (слуг) было всего несколько человек). Большинство населения колоний с легкостью подчинялось своим лидерам, не задумываясь о проблемах равных прав. И все же в своем произведении Брэдфорд подчеркивает, что при обсуждении вопросов о совместном проживании и сосуществовании колоний среди главных решений было то, чтобы права каждого поселения ни в чем не терпели ущерба, о чем он прямо пишет в записи от 4 июня 1634 г., повествуя о том, насколько велик иногда был разлад между соседями-колонистами.

Автор подчеркивает, что решать все спорные вопросы надлежит на встрече, где представители каждого поселения равны в своих правах: *“to consulte & determine in this matter, so as the parties meeting might have full power to order & bind etc. And that nothing be done to the infringing or prejudice of the liberties of any place”* [3, p. 321]. Сама эта запись в стилистическом отношении проникнута дидактизмом. Это не просто отчет о событиях. Здесь явно чувствуется желание губернатора наставить колонистов на принятие правильных решений. Он пытается предотвратить возможность проявления несправедливости и ставит вопрос о необходимости рассмотрения его беспристрастным судом (*“indifferante and equall hearing”*).

Даже печально известный Томас Мортон, которого многие переселенцы считали изгоем по причине его неподобающего, с их точки зрения, поведения, старался следовать принципу равенства при создании своего «веселого поселения» (*Merry Mount*). Описывая мистера Мортон и отмечая тот разгульный

образ жизни, который он вел, Брэдфорд, тем не менее, указывает, что все жители Мэриамунта обладали равными правами, безо всяких различий: “...we will converse, trade, plant, and live together as equals, and support and protect one another” [2, p. 29].

В своем произведении губернатор прибегает к очень интересному стилистическому приему, который также найдет свое широкое применение в литературе США XIX и особенно XX веков, а именно: введение строго документальных материалов в личное – свободное и субъективное – дневниковое повествование. Таковы письма современников в канве дневника. Автор включает их, чтобы с большей объективностью показать, что думают члены общины о положении дел в колонии. Например, благодаря их переписке с англичанином Робертом Кэшменом (*Robert Cashman*) выявляются различия в понимании равенства людей у колонистов и представителей английской знати, спонсирующих переселение людей на новые земли. Последние в большинстве своем полагают, что равенства не существует: “All men are not of one condition,” [3, p. 52].

Следовательно, понимание проблемы, которое выказывает Кэшмен, сталкивается с абсолютно иным подходом Брэдфорда. Так, губернатор, воплощая в своем повествовании суть идеи равенства (в понимании колонистов), пишет о равном распределении имущества и земель между членами общины и пайщиками: “That at the end of the 7 years, the capitall & profits viz. the houses, lands, goods and chatles, be equally divided between the adventurers, and planters...” [3, p. 46]. Таким образом, автор мастерски использует метод контраста, что служит более эмфатическому восприятию текста и придает его стилю оттенок художественности.

Из сказанного выше становится ясно, что такие произведения, как *Of Plymouth Plantation*, представляют собой большой интерес для литературоведения, так как, с одной стороны, они закладывали традицию путевых записок и очерков (весьма популярный жанр литературы США в XVIII – XX веках), а с другой стороны, хорошо иллюстрировали сам процесс зарождения национальных мифов. Заметим также, что в подобных произведениях вырабатывались черты будущих стиливых особенностей литературных сочинений Америки.

Однако не все первые переселенцы трактовали равенство подобным образом. У

некоторых праотцев отмечается явное неприятие идеи равенства и, напротив, одобрение четкого разделения людей на касты и классы. К числу подобных колонистов принадлежит Джон Уинтроп. В своем известном воззвании на борту корабля *Арбелла* он прямо провозглашает неравенство в обществе и оправдывает его. Губернатор будущей Массачусетской колонии был убежден, что люди должны быть либо богатыми, либо бедными, и не нужно ничего менять в этом мироустройстве, т. к. оно уже давно определено Богом: “... as in all times some must be rich, some poor, some high and eminent in power and dignity, others mean and in subjection” [4, p. 282]. Следовательно, с точки зрения Уинтропа, неравенство людей правомерно и, как таковое, оно уже заложено Творцом в существующие устои общественного порядка.

Здесь мы вновь видим убедительное подтверждение того положения, что библейская образность и ассоциативность в творениях праотцов нации (как и в сочинениях их литературных потомков) занимает ведущее место. И если тогда, в XVII веке, ссылка на Бога или на Библию имела эффект неоспоримого доказательства, то позже, уже в XIX столетии, в произведениях таких маститых писателей, как Готорн, Мелвилл и др., подобного рода ссылки, также множественные, служат другим целям: например, созданию иронической атмосферы или контрастного сопоставления идеала (мифа) и реальности. Фактически концепция Уинтропа – обоснование правового неравенства людей с указанием на Бога в качестве источника такого неравенства – есть узаконивание классового общества.

Что касается Уинтропа, то он был уверен, что, поскольку колония Массачусетского залива значительно отличалась от иных поселений североамериканского континента с точки зрения конечной цели и формы управления общиной, пуританам должен был сопутствовать успех в построении общества их мечты: “The purpose of the others was carnall and not religious; they ayumed chiefly at profit, and not the propagating of Religion and ... they did not establish a right forme of Government” [5, p. 137]. Уже на борту *Арбеллы* будущий губернатор упомянутой колонии пишет проповедь «Образец христианского милосердия» (*A Model of Christian Charity*), в которой и разрабатывает основы будущего государства: “The unity of the civil state” [6, p. 4]. Проповедь, как способ выражения определенных истин и учений, была также весьма

распространенным типом сочинений периода колониальной словесности. Из трех ее выделяемых по традиции форм: сообщение, пророчество, поучение – анализируемый нами труд Уинтропа можно определить как проповедь-пророчество и проповедь-поучение.

Как замечает Лорен Баритц, Уинтроп организует превращение делового сообщества в политический орган. С точки зрения американского исследователя, автору проповеди было необходимо показать органическую сущность государства, а следовательно, для него было естественно оправдание тех элементов, которые характеризовали существующие политические системы в обществе, иными словами, его классовое расслоение [6, р. 14].

Хотя, как нам кажется, Джон Уинтроп не совсем последователен в своей аргументации. Чуть далее в своей проповеди он говорит о том, что ни один человек не рожден достойнее или богаче другого “... *no man is made more honourable than another or more wealthy*” [4, р. 283]. И тут же, как бы опровергая свое смелое предположение, ссылается на Господа и замечает, что люди разделены на классы самим Божественным провидением: “*All men being thus by divine providence ranked into two sorts, rich and poor*” [там же]. Из вышесказанного следует, что сам Уинтроп, скорее всего, сомневался в провозглашенном тезисе. Это заметно в структуре и стиле повествования, в котором можно отметить эффект недосказанности и противоречивости. Являются ли подобные «метания» автора результатом его эволюционирующих взглядов или это, что более вероятно, определенная неуверенность в собственной позиции по этому вопросу, трудно сказать. Тем не менее, можно заключить, что у Уинтропа нет четко выраженного мнения по вопросу равенства, и в рамках одного документа, созданного им, содержатся существенные противоречия. Возможно, именно эти несоответствия и привели к тому, что его фигура рассматривалась многими американцами как далеко не однозначная.

Равенство, как многоаспектный лейтмотив, было важно для колонистов по разным причинам. Под эту категорию подводилось социальное, гражданское, религиозное равенство, равенство между мужчиной и женщиной и т. д. Так, Брэдфорд и Уинтроп, правда, с несколько противоположных позиций, затрагивали проблемы социального равенства и равных/неравных гражданских прав. Иные авторы колониального периода уделяли боль-

шое внимание другим составляющим анализируемого феномена и подчеркивали в своих сочинениях вопросы равенства людей разных национальностей и вероисповеданий, что в большой степени вылилось в освещение проблемы равенства между коренным населением Северной Америки и переселенцами. Так, прибывшие из-за океана, и в первую очередь пуритане, не могли признать равными себе тех индейцев, с которыми они столкнулись на новых землях. Естественно, принадлежность к группе избранных, с пуританской точки зрения, возвышала членов общин над всеми остальными людьми, тем более над язычниками, каковыми являлись аборигены.

С этих позиций проанализируем известное в то время сочинение Мэри Роландсон «Повествование о пленении и избавлении миссис Мэри Роландсон» (*Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson*), которое правомерно причисляется к числу собственно художественных произведений той эпохи. Сразу же после появления данная работа привлекает большое внимание читающей публики. При этом можно выделить целый ряд причин, благодаря которым ее повествование стало, по существу, бестселлером своего времени. Во-первых, высказанные в этих дневниковых записях мысли выражали общий настрой, присущий жителям колоний. Во-вторых, те обобщения, которые делает по ходу изложения автор, позволяют говорить о почти притчевом аспекте ее сочинения, характеризующем не только личную судьбу рассказчицы, но и историю колонизации в целом. В-третьих, исповедь Мэри, представленная в виде путевых заметок, является явным свидетельством того, КАК дневниковые заметки становились художественным произведением.

«Повествование» появляется после освобождения Мэри из плена, в который она попадает в результате нападения индейцев на форт в Ланкастере. Прежде всего это трагическая исповедь женщины, которая пережила смерть своего ребенка и провела 11 недель в плену у аборигенов. Воспринимая все происходящее с ней через призму христианских истин и постоянно прибегая к библейским сравнениям, она поражена тем, что Господь дает столь большую власть язычникам, тем самым, принижая представителей английской нации. Ведь Роландсон абсолютно убеждена в превосходстве пуритан над всеми прочими. Она замечает: “*Another thing that I would observe is the strange providence of God,*

in turning things about when the Indians was at the highest, and the English at the lowest” [7, p. 32]. Сама мысль о том, что переселенцы и коренное население могут быть равны в глазах Господа, кажется ей кощунственной.

Кроме того, в этом «дневнике-повести» достаточно прозрачно вырисовываются и другие художественные параметры. Это, прежде всего, сходство с приключенческой литературой и с жанром путешествия (до которых уже тогда американцы были большие охотники). Кроме того, следует подчеркнуть дидактический пафос повествования, перенесенный в ее сочинение из жанра проповеди. Помимо этого, укажем на преобладающее личное, субъективное начало повествования и красочные художественные описания быта и обычаев индейских племен: “[*My mistress*] had a kersey coat, and covered with girdles of wampum from the lions upward. Her arms from her elbows to her hands were covered with bracelets; there were handfuls of necklaces about her neck, and several sorts of jewels in her ears...her hair powdered and face painted red, that was always before black...They [the Indians] kept hopping up and down one after another, with a kettle of water in the midst...” [7, p. 29].

Таким образом, двуплановость произведения (1. Реальный рассказ о путешествии поневоле в глубь континента и 2. Постоянный комментарий автора по поводу происходящего) придает ее повествованию притчевый характер, а потому оно воспринимается как интересное и захватывающее чтение. Легко можно понять, почему оно стало бестселлером в XVII веке.

Идея равенства в полной мере нашла свое выражение и в произведениях Роджера Уильямса, к которым, прежде всего, можно отнести его религиозные трактаты, дневниковые записи о жизни индейцев, а также письма и стихи. Так, в 1643 г. он создает книгу «Ключ к языку Америки» (*A Key into the Language of America*), в основе которой находятся записи Уильямса о жизни аборигенов, базирующиеся на личных впечатлениях автора. Здесь Уильямс ставит знак равенства между народами и нациями. Внутри них, замечает автор, естественно, сосуществуют самые различные люди, часть из которых наделена в большей степени добродетелями, чем пороками, а часть – наоборот: “*The Natives are of two sorts (as the English are). Some more Rude and Clownish, who are not so apt to salute, but upon Salutation resolute lovingly. Others and the generall, are sober and grave, and yet chearfull*

in a meane, and as ready to begin a Salutation as to Resalute, which yet the English generally begin, out of desire to civilize them” [8, p. 1].

Фактически он заявляет о том, что не видит никаких различий между индейцами и англичанами. Как среди первых, так и среди вторых существуют люди грубые, невоспитанные, но в большинстве своем они серьезные и порядочные. При этом он, в отличие от большинства современников, признает равными не только тех людей, кто исповедует христианскую религию, но и язычников-индейцев. В своих произведениях Уильямс повсеместно выказывает толерантность по отношению к аборигенам. Как пишут в предисловии к его работам составители хрестоматии *The Puritans* Перри Миллер и Томас Джонсон “... *he was always on particularly good terms with the Indians...*” [9, p. 215]. Уильямс подчеркивает благородство манер индейцев и замечает, что по своим человеческим качествам они не просто равны бывшим жителям Англии, но даже превосходят их. Уильямс весьма убедителен, заявляя: «Сын Англии, не мни, что род твой славен, индеец – брат тебе и родом равен. Тебе, ему, всем людям дал Господь единый разум, силу, кровь и плоть» [10, с. 58].

Вполне правомерно задаться вопросом, не здесь ли в определенной степени закладывались традиции будущего демократического пафоса, столь характерного, например, для поэзии Уитмена. Ведь, называя индейца братом англичанина и полагая их равными друг другу по плоти и крови, по возможности мыслить и действовать разумно, Уильямс ярко выписывает равенство этих народов. Так, например, в «Письме к городу Провиденсу» (*Letter to the Town of Providence*), которое было написано Уильямсом в январе 1655 г., описывается идеальный, с точки зрения поэта-проповедника, город, изображенный в виде корабля, на борт которого поднимаются самые различные люди: “*There goes many a ship to sea, with many hundred souls in one ship ... papists and protestants, Jews and Turks...*” [9, p. 225]. Все они, по убеждению автора, равны перед Господом (“*all are equal in Christ*”), а потому никто никому не должен навязывать свою веру или форму культа.

Те же мысли звучат в поэме «Песнь о топоре» (*Song of the Broad-Axe*) Уитмена, где поэт, рассуждая о будущем, высказывает свою мечту об идеальном городе: «Город великий не там, где... роскошны высокие зданья, магазины с изделиями разных стран мира, ...

где изобилие денег, ... А там, где... памятники героям — подвиги и дела,... Где нет ни рабов, ни рабовладельцев, ... Где восстанет сразу народ против наглости выборных лиц...» [11]. Думается, вполне уместно говорить о прямой ассоциации, существующей между видением идеального общества Уильямсом, и тем, как рисовался в воображении Уитмена идеальный город. Основываясь на проведенном анализе, можно утверждать, что в ранней американской словесности зарождались идеи, так ярко и глубоко выраженные великим американским поэтом во второй половине XIX века, ибо творчество этих двух поэтов, принадлежащих двум разным историческим эпохам, объединяет МЕЧТА ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОРОДЕ, а также пафос гуманизма и демократизма, высказываемый обоими авторами.

Взгляды Уильямса вступали в серьезное противоречие с мнением большинства колонистов. С точки зрения его воззрений на проблему равенства, он намного опережал своих современников, во всяком случае, большинство из них. Не зря же Паррингтон весьма образно охарактеризовал деятельность мыслителя, подчеркнув, что боги решили «подшутить над Роджером Уильямсом, пославав его на землю до того, как пробил его час» [12, с. 32].

Провозглашая идеи равенства, колонисты Род-Айленда отвергали идею рабства. 18 мая 1652 г. здесь был издан первый на территории Северной Америки закон, согласно которому обращение людей в рабство было признано незаконным: “*On May 18, 1652, Rhode Island passed the first law in North America ... making slavery illegal*” [13]. Таким образом, и этот шаг, санкционированный Уильямсом, можно рассматривать в качестве еще одного доказательства неуклонно проводимой им политики гражданского равенства в жизнь.

Против рабства и за равенство всех живущих на земле, выступал также Сэмюэл Сьюолл. В своем известном трактате «Продажа Джозефа» (*The Selling of Joseph*) автор, используя библейские аллюзии, представил в негативном свете тех, кто обращал африканцев в рабство. Сьюолл подчеркивал, что чернокожие равны по происхождению белым людям, ибо все они берут свое начало от Адама и заслуживают уважения: “*These Ethiopians, as black as they are, seeing they are the sons and daughters of the first Adam, the brethren and sisters of the last Adam, and the offspring of God; they ought to be treated with a respect agreeable*” [2, p. 92]. Проводя параллель меж-

ду пуританами и древними израильтянами, Сьюолл отмечает, что последним было категорически запрещено торговать людьми: “*Israelites were strictly forbidden the buying, or selling one another for slaves*” [там же]. Поэтому он считает необходимым наложить запрет на подобные деяния и на своей родине. Следовательно, и здесь мы наблюдаем ранний и яркий пример «библейской ассоциативности», ставшей важнейшим параметром как национального менталитета, так и отражающей его литературы. Достаточно вспомнить рассказы и романы Германа Мелвилла, которого невозможно читать и постигать без знания текстов Ветхого и Нового Заветов: его проза буквально насыщена библейскими аллюзиями.

Анализируя литературные источники колониального периода, следует также отметить, что авторы, создававшие тогда свои сочинения, рассматривали изучаемую категорию и в плане равенства между полами. Интересно, что создателями «чисто художественных» произведений колониальной Америки, которые признаются высшим достижением в развитии литературы Америки на протяжении XVII столетия, выступают, кроме Мэри Роландсон, два поэта – Анна Брэдстрит и Эдвард Тейлор.

Книга Анны Брэдстрит «Десятая муза, только что явившаяся в Америке или Несколько стихотворений..., написанных благородной дамой, обитающей в тех краях» (“*The Tenth Muse Lately Sprang Up in America...*”), изданная в 1650 г. в Лондоне, произвела сильное впечатление на читателей, ибо это было первое знакомство англичан с заокеанским литературным творчеством. К тому же данное художественное произведение являлось творением представительницы прекрасного пола, что вступало в противоречие с той ролью, которая отводилась женщине в обществе того времени. Уклад жизни был строго определен. Находясь в зависимости от мужа, она должна была лишь поддерживать уют в доме, создавая близким комфортные условия. Фактически женщине была уготована только роль домохозяйки, хранительницы домашнего очага.

Анна Брэдстрит была воспитана именно так. Следуя идеологии пуританизма, поэтесса была готова смиренно принять любые испытания, предписанные ей Всевышним и, естественно, оправдать их. Ее поэзия сумела вобрать в себя события той эпохи, которые были переосмыслены автором весьма специфическим образом и представлены в виде поэ-

тических строк, дающих весьма объективную картину пуританского самосознания.

В своих стихотворениях Брэдстрит говорит о том, что волнует ее современников. В ее поэтических произведениях можно найти строки, повествующие о неравном положении женщины и мужчины в пуританских поселениях. Будучи одним из самых читаемых поэтов своего времени (ведь творчество Эдварда Тэйлора стало доступно широкому читателю лишь в середине XX в.), она отмечала, что многие из ее окружения считают, что женщине подобает только хорошо управляться с иглой и ниткой. По мнению ее современников, женский ум никак не предназначен для сочинительства. Поэтесса подчеркивает, что зачастую мужчины отказывают представительницам прекрасного пола в природном остроумии, таким образом, заявляя о неравенстве мужчин и женщин:

*“Who says my hand a needle better fits;
A poet’s pen all scorn I should thus
wrong,
For such despite thay cast on female wits.
If what I do prove well, it won’t advance;
They’ll say it’s stol’n, or else it was by
chance”* [2, p. 210].

В то же время, как истинная пуританка, следуя правилам избранного ею вероучения, она утверждает в этом стихотворении прямо противоположное: призывает оставить привычное положение дел в этом вопросе без изменений. С одной стороны, Анна Брэдстрит выражает неудовольствие по поводу того, что женское поэтическое творчество не воспринимается на равных с мужским, а с другой – полагает, что женщины прежде всего должны, выполнять свою основную функцию:

*“Let Greeks be Greeks, and women what
they are;
Men have precedency and still excel.
It is but vain unjustly to wage war;
Men can do best, and women know it well”*
[2, p. 211].

Подводя итог рассмотрению лейтмотива *равенство* в американской словесности XVII в., можно заключить, что это многоаспектное явление трактовалось представителями различных пуританских общин далеко не однозначно. При этом в разных произведениях на первый план выдвигается то одна составляющая *равенства*, то другая. Равные права для всех оказываются продекларированными, но отнюдь не воплощенными в жизнь. Большинство поселенцев искренне полагали, что равноправие необходимо лишь для равных

им по социальному статусу, вероисповеданию, расовому и половому признакам. Это мы видим в сочинениях таких авторов, как Брэдфорд, Уинтроп, Роландсон и др. Твердая вера в то, что они избраны Господом для исполнения особой миссии на земле, возвышала их в собственных глазах. Любой человек, не входящий в этот привилегированный круг, не мог претендовать на равенство с ними.

Пolemичность этих идей и определила художественное своеобразие многих произведений указанных авторов. На первый план в них выдвигается метод контраста. Их также характеризует библейская образность и, наконец, дидактический пафос. Особенно ярко проявление вышеуказанных характеристик заметно в «Истории поселения в Плимуте» и «Повествовании о пленении и избавлении миссис Мэри Роландсон».

Безусловно, необходимо подчеркнуть, что не все представители пуританских лидеров полагали данное положение дел правильным. Против расовой и религиозной дискриминации активно выступали, например, Уильямс, Сьюолл и другие. Боролись они и против рабства. Первые упоминания о равных возможностях мужчин и женщин можно найти в стихотворных строчках Брэдстрит, хотя подобное равенство относилось ею лишь к области создания поэтических произведений. Однако, думается, абсолютно правомерен тот вывод, к которому приходят Миллер и Джонсон (чьи труды носят печать богословия, культурологии и литературной критики), давая пояснения такому комплексному философскому течению, как пуританизм, и утверждая, что в его основе лежала социальная стратификация, т. е. неравенство: *“Thus Puritanism appears, from the social and economic point of view, to have been a philosophy of social stratification* (выделено нами – К.Б.), *placing the command in the hands of the properly qualified and demanding implicit obedience from the uneducated...”* [9, p. 19].

Подытоживая литературную ценность проанализированных произведений, в которых представлен лейтмотив *равенство*, мы отмечаем целый ряд аспектов, которые представляют большой интерес для литературоведческой науки. Во-первых, это жанровые особенности указанных сочинений, оказавшие влияние на форсирование путевых очерков (весьма популярных в американской литературе XVIII-XX вв.). Во-вторых, все исследованные сочинения американской словесности XVII века можно рассматривать

в качестве яркой иллюстрации процесса зарождения национальных мифов. В-третьих, проведенный анализ дает основания полагать, что именно в ранних колониальных произведениях вырабатывались черты будущих стилевых особенностей американской литературы последующих веков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Декларация о независимости США. Archiving Early America: [сайт]. URL: www.earlyamerica.com/earlyamerica/freedom/doi (дата обращения 20.06.2009).
2. American Literature Survey. Vol.1 Colonial and Federal to 1800 ed. by Milton R. Stern. N.Y., 1962. P. 19.
3. Bradford W. History Of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001. P. 321.
4. Wintrop J. A Model of Christian Charity// The Wintrop Papers ed. by Stewart Mitchell Boston Vol. 2, 1931. P. 282.
5. Winthrop Papers ed. by A.B.Forbes. 1498-1644.

Boston: Massachusetts Hist. Soc., Vol. 1, 1929-1947. P. 137.

6. Baritz L. City on a Hill: a History of Ideas and Myths in America. N.Y., L., Sydney, 1964. P. 4.
7. Rowlandson M. Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson. New York, s/a. P. 32.
8. Williams R. A Key into the Language of America. Canada, 1936. P. 1.
9. Miller P., Johnson T. H. The Puritans. N.Y., Cincinnati, Chicago, 1938. P. 215.
10. Проблемы становления американской литературы. – М., Наука, 1981. – С. 58.
11. Уолт Уитмен. Песнь о тополе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sky-art.com/whitman/leaves/ru/leaves12_1_ru.htm, свободный.
12. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли в 3 т. М., 1962. Т.1. С.32.
13. Williams R. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://en.wikipedia.org/wiki/Roger_Williams_\(theologian\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Roger_Williams_(theologian)), свободный.

РЕЗЮМЕ Leitmotif of Equality in Pre-national American Literature

УДК 82.091

Джанумов А.С.
Московский городской
педагогический университет

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА «ОЧАРОВАННЫЙ ИНОК»
В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ***

Аннотация. В статье рассматривается литературная (преимущественно, агиографическая) и фольклорная трансформация известного сюжета «Очарованный инок». Показано проявление фольклорного влияния на литературные памятники. Исследуется специфика художественного времени и пространства в литературных и фольклорных произведениях с указанным сюжетом.

Ключевые слова: трансформация сюжета, сюжет «Очарованный инок», народная христианская легенда, агиография, поэтика, мотив.

A. Dzhanumov

PLOT TRANSFORMATIONS OF «ENCHANTED MONK» IN LITERARY AND FOLKLORE TRADITION

Abstract. The article discusses literary (chiefly hagiographical) and folklore transformations of a well-known type «Enchanted

monk». The manifestation of the influence of folklore on literary texts is delineated. The specific character of aesthetic time and space in literary and folklore narratives of a type «Enchanted monk» is analyzed.

Key words: plot transformation, «Enchanted monk», national christian legend, hagiography, poetics, motif.

Данный сюжет [1] впервые появился в проповеди парижского епископа Мориса де Сюлли (ум. 1190/1196) [2]. Духовенство в Средние века, проповедуя, имело обыкновение иллюстрировать и подтверждать различные положения вероучения специально составленными для этого краткими назидательными и занимательными рассказами для народа – «exempla» («примеры»), которые придавали проповеди живость и возбуждали внимание слушателей. Для лучшего уяснения особенностей разбираемого сюжета приведу (в выдержках) его перевод, выполненный,

* © Джанумов А.С.